ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ КАЗАХСКОЙ ССР

А. ИСКАКОВ.

На правах рукописи

КАЗАХСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ О РЕЛИГИИ

АЛМА-АТА—1958

Гос. рес. библ.
1046833

Вторая половина прошлого столетия явилась самым сложным и богатым историческими событиями периодом в истории Казахстана.

Одним из важнейших событий указанного периода, вызвавшим коренные изменения в экономической и духовной жизни казахского народа, было завершение присоединения Казахстана к России.

Включение Казахстана в сферу влияния экономики и культуры России было прогрессивным явлением. От кочевого образа жизни казахи стали переходить к оседлости и земледелию. Глубокие сдвиги в экономической жизни казахского народа вызвали соответствующие изменения и в его духовной жизни. Это выражалось прежде всего в возникновении и развитии демократического просветительного движения в Казахстане, возглавляемого выдающимися сынами казахского народа Чоканом Валихановым, Ибраем Алтынсариным и Абаем Кунанбаевым.

Появление казахских просветителей на исторической арене было обусловлено потребностями развития казахского общества и являлось отражением тех новых явлений в общественной жизни казахов, которые возникли после присоединения Казахстана к России. Сближение казахского народа с русским народом создало благоприятную почву для приобщения его передовых представителей к демократической культуре России. Это сближение оказывало прогрессивное влияние на развитие общественной мысли в Казахстане.

Под непосредственным идейным влиянием русских революционных демократов выступили казахские просветители с пламенным призывом к приобщению к демократической русской культуре.

Глашатай и поборник дружбы русского и казахского народов Чокан Валиханов не раз и с радостью отмечал, что казахи «считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно»[1].

Педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин видел основную цель своей просветительской деятельности в приобщении казахского народа к культуре русского народа, в дальнейшем укреплении дружбы между казахами и русскими. «Все возможное счастье для киргизского народа, — писал И. Алтынсарин, — я вижу в дальнейшем времени только в нравственном слиянии с русским народом и в духовном, экономическом развитии его посредством русско-киргизского образования»[2].

Великий поэт-просветитель Абай Кунанбаев действовал в том же направлении. Он писал: «Главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую литературу»[3].

Стремясь к укреплению братской дружбы с русским народом, просветители казахского народа не могли не выступить против мусульманской религии — ислама, проповедующей «священную» войну против «неверных», препятствующей развитию дружественных отношений между казахами и русскими.

Борьба казахских просветителей против реакционной идеологии ислама, отравлявшего религиозным фанатизмом живой и восприимчивый ум казахского народа, разоблачение им реакционной политической роли мусульманского духовенства тесно связаны с их общественно-политической деятельностью.

Ч. Ч. Валиханов, И. Алтынсарин и Абай Кунанбаев занимают огромное место в истории общественной мысли Казахстана. Их выступления составляют целую эпоху в поступательном развитии демократической культуры казахского народа.

Казахские просветители всеми своими силами способствовали разрушению как бы застывших в своей не-

---

[1] Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка, Алма-Ата, 1947, стр. 44.
[2] ЦГИАЛ. ф. 733, оп. 170, д. 1152, л. 452.
[3] Абай Кунанбаев. Сборник сочинений в одном томе. 1954, стр. 363.

подвижности патриархально-феодальных отношений. Более полустолетия они боролись против отсталости и косности, темноты и невежества, отстаивали идеи гуманизма и демократизма, смело выступали против религиозного фанатизма.

Выступления казахских просветителей против религии и их критика реакционного мусульманского духовенства и религиозного мракобесия были одной из сторон их просветительской деятельности. Их борьба против мусульманской религии не была случайным явлением. Они понимали, что мусульманская религия была тормозом к восприятию русской демократической культуры, она мешала тому, чтобы вывести казахский народ из темноты и невежества, она способствовала еще большей консервации умственного застоя общества.

Чокан Валиханов выступал против религии с позиций науки, материализма, Ибрай Алтынсарин как педагог-просветитель против ислама боролся прежде всего тем, что насаждал среди народа светские школы, а Абай Кунанбаев разил реакционное духовенство метким художественным словом.

Казахские просветители второй половины XIX века немало сделали в распространении атеистической мысли в Казахстане. Начатое ими дело продолжил Султанмахмут Торайгиров. Развивая дальше традицию свободомыслия и атеизма, он в своем творчестве еще более ярко показал невежество мулл и их борьбу против прогресса и науки, фанатизм и религиозную нетерпимость ко всему новому и прогрессивному.

* * *

Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865) в своей многогранной научной и просветительской деятельности немало уделял внимания вопросам происхождения религии и ее роли в общественной жизни.

В одной из своих работ,—«Следы шаманства у киргизов»—он высказывает ряд материалистических догадок о происхождении религии. Шаманство, по его мнению, возникло как результат действия стихийных сил природы на человека, как необходимая потребность познать природу. Оно выражало бессилие первобытного человека в борьбе с природой, его слепую зависимость

от ее стихийных сил. По этой причине «человек приписывал небу, солнцу и луне власть над собой»[1].

Младенствующий человек, как выражался Ч. Валиханов, не понимая тайны явлений вселенной, нередко становится их жертвой и вследствие этого он их «одухотворяет» и «обожествляет».

Таким образом, Чокан Валиханов не считает религию чем-то сверхъестественным. Не бог создает людей с врожденными и вечными религиозными чувствами, а люди сами создают идею бога, обоготворяя бесконечную природу. Он указывает, что люди сами «боготворители природы». «Внешний мир — солнце, луна, звезды — вот первые божества»[1], — писал Валиханов.

Но стихийные силы природы по Валиханову являются не единственной причиной возникновения религиозных верований. Другая причина происхождения религии кроется в самом человеке, в абстрагирующей деятельности человеческого разума.

«Другое чудо — человек. Эта душа, эти способности, этот дух мыслящий и пытливый, не есть ли очевидное присутствие божества»[2].

«Грозы были для младенчествующего человека стихии, но от них можно укрыться; худшая беда была в самом человеке — страх перед какой-то неведомой силой, которую он ощущал в себе. Человек был окружен страхом; даже во сне он боялся, его страшил сон»[3].

«Шаманист удивлялся солнцу и поклонился ему, он увидел луну и ей поклонился; он поклонялся всему в природе, где замечал присутствие этой неизъяснимой вечной как время силы, которую он назвал Синим, Небом»[4].

Чокан Валиханов вплотную подошел к пониманию того, что религия отражает в сознании человека его отношение к природе, его иллюзорное представление о самом себе и о своей духовной деятельности.

Отмечая сложный процесс происхождения первобытной религии, Чокан Валиханов писал:

---

[1] Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 17—18.

[1] Там же, стр. 17.

[2] Там же, стр. 16.

[3] Там же, стр. 27.

[4] Там же, стр. 16.

«Природа и человек, жизнь и смерть — были предметами высочайшего удивления и были всегда преисполнены неисследуемой тайны. Природа и человек! Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека! Необходимая потребность познать вселенную с ее чудесами, вопрос о жизни и смерти и отношения человека к природе породили шаманство—обожание вселенной или природы и духа умерших людей»[1].

В этом высказывании Чокана Валиханова содержатся правильные мысли. Но в целом он не мог научно объяснить происхождение религии, правильно понять ее социальные корни в силу ограниченности своего взгляда на развитие человеческого общества. Будучи идеалистом в объяснении общественных явлений, он не сумел раскрыть того, что источник происхождения и живучести религии кроется не только в бессилии человека в борьбе с природой, но и в условиях материальной жизни общества, что социальные условия являются решающим фактором в процессе возникновения религии.

Чокан Валиханов, пытаясь объяснить происхождение религии с позиций материализма, сумел подняться до уровня атеиста, открыто отрицавшего бога, сверхъестественное происхождение религиозных идей. Люди, близко знавшие его, его смелую и решительную борьбу против религии, указывают, что «в религиозном отношении он был свободным мыслителем». О своем отношении к религии Чокан Валиханов довольно определенно говорит в письме к Ф. М. Достоевскому: «Я не верю в бога и с Магомстом состою в личной вражде»[2].

Чокан Валиханов особое внимание обращает на реакционную роль религии в общественной жизни. Он правильно понял «вредное влияние всякого религиозного фанатизма на социальное развитие народов». Он верно отметил, что «преобладание теологического духа проявлялось в народном развитии самым бедственным образом»[3]. Ч. Валиханов с особой последовательностью вскрывал реакционную роль мусульманской религии, которая «предала проклятию всякое знание, кроме ре-

---

[1] Там же, стр. 16.
[2] Там же, стр. 111.
[3] Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 102.

лигиозного»[1]. Распространение ислама среди казахского народа было особенно опасно тем, как отмечает Чокан Валиханов, что казахи стали «более чуждаться русского просвещения и русского братства, чем прежде»[2].

Именно поэтому он самым решительным образом требовал «уничтожить действие мусульманских законов согласно желанию самого народа»[3].

В «Очерках Джунгарии» Чокан Валиханов с горечью пишет о пагубном влиянии ислама на культуру современной ему Средней Азии: «Вся страна, нисколько не преувеличивая... есть она громадная пустыня... усеянная развалинами... там и сям попадаются рисовые поля, дурно возделанные виноградники... представленные ленивым человеком исключительно попечению Аллаха. На этих оазисах, на развалинах многовратных городов, стоят жалкие мазанки и в них живет дикое невежественное племя, развращенное исламом и забитое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом»[4].

Основную причину такого крайне печального положения в Средней Азии, имевшей когда-то цветущую городскую культуру, Валиханов видит в религии ислама, которая, по его мнению, развращала человека, притупляла сознание, сковывала его стремление к практической деятельности. Это, конечно, ошибочное преувеличение.

Однако факты пагубного влияния мусульманской религии на культурную жизнь народов Средней Азии отмечены Ч. Валихановым правильно.

«В Маврель-негре (ныне Бухара, Хива и Коканд), в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока (в XIV и XV века), — писал Валиханов, — теперь господствует невежество и бедность более, чем где-нибудь. Библиотека Самарканда, Ташкента, Ферганы (в Кокандском ханстве), Хивы и Бухары и проч., обсерватория в Самарканде безвозвратно погибли под беспощадной рукою татарского вандализма и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного. Даже монументальные памятники

---

[1] там же, стр. 66.
[2] Там же, стр. 102.
[3] Там же, стр. 104.
[4] Там же, стр. 66.

прошедшей культуры подвергались гонению мулл, как подражание невродовскому столпотворению, как грехо-вая борьба человска с творчеством Аллаха; только ме-чети, медресе (училища) и гробницы магометанских святых, только клопная яма (кснехане) и еще башня Мунар, с которой бросают преступников, сохранились до наших дней, благодаря своему благому назначе-нию»[1].

Показывая реакционную и антинаучную сущность мусульманской религии на конкретных примерах из истории развития культуры и науки в Средней Азии, Чокан Валиханов глубоко осознавал несовместимость науки и религии, огромный вред, наносимый религиоз-ными предрассудками развитию образованности и про-свещения в народе. Он говорил: «Магомет, все совре-менные ему космологические, медицинские и другие предания и предрассудки ввел в свое учение как догмат и тем самым остановил движение опытных наук»[2]. Ссылаясь на исследования русских востоковедов о му сульманской религии, Чокан Валиханов писал, что они доказали, «как дважды два—четыре, на основании тек-стов из корона и из книги преданий, что мусульманство и образованность понятия несовместимые, даже враж-дебные, одно другое вытесняющие»[3].

Чокан Валиханов твердо знал, что религия является одним из главных тормозов в развитии науки и куль-туры.

Всякая религия, в том числе и ислам, внушая трудя-щимся мысль о том, что существует будто бы вечная жизнь «за гробом», учит подавлять жизненные стремле-ния, терпеть горе, страдание и нищету, быть пассивным, не стремиться к улучшению своих материальных усло-вий.

В противоположность учению религии, проповедую-щей застой и прозябание, Чокан Валиханов считал практическую деятельность человека, направленную на улучшение своего материального благосостояния, осно-вой прогрессивного развития общества. Он писал: «Каждый человек отдельно, все человечество коллек-

---

[1] Там же, стр. 66.

[2] ЦГА, литература и искусство СССР, ф. 159, оп. I, ед. хр. 179, л. 105.

[3] Там же.

тивно стремится в развитии своего к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс»[1].

Под влиянием атеистических произведений русских революционных демократов, в особенности под влиянием «Письма к Гоголю» В. Г. Белинского, Чокан Валиханов отвергает представление о врожденности религиозного чувства. Он категорически утверждал, что казахский народ по своей природе не является религиозным.

По его мнению, не религия с его мифологическими заблуждениями, «а только истинное знание... научает ценить жизнь и материальное благосостояние».

Подобно Белинскому, Чокан Валиханов видел спасение народа не в мистицизме, не в аскетизме и покорности, пассивности и созерцательности, а в успехах цивилизации, просвещения. Он, также как и Белинский, говорил, что народу нужны не проповеди и молитвы, а пробуждение в народе чувств человеческого достоинства, пробуждение национального самосознания.

Не считая религию безраздельно господствующим мировоззрением в казахской степи, Чокан Валиханов для подтверждения этой своей правильной мысли прибегает к произведениям устного народного творчества, сохранившего признаки свободомыслия.

Антирелигиозные идеи и мотивы нашли яркое выражение особенно в пословицах и поговорках казахского народа. В народе говорили: «На Аллаха не надейся», «Если все время бить, то и бога можно убить», «Пусть будет сильнее тот, на кого надеешься, чем тот, кому ты молишься», «И бог сторонник сильного», «Лучше ехать, чем уповать на бога» и т. п.

Казахи часто употребляют такие гневные выражения «Сокыр кудай», «Шунак кудай». В народе сохранилась обрядовая песня (жоктау) такого содержания:

«Ауадан ушкам лашын
Лашын жаяр құлашын
Атамды алған құдайдың
Келіні мендей жыласын».

Жоктау — это оплакивание умершего человека его близкими. По казахскому обычаю жоктау поется только

[1] Там же, стр. 106.

женщинами. В этой песенке женщина, оплакивая смерть своего свекра, проклинает бога, пославшего ему смерть.

В устном народном творчестве казахов много рассказов, поговорок и пословиц, где очень едко и зло высмеивается мусульманское духовенство. Широко бытовали такие пословицы: «Кривое колесо дороги портит, невежественный мулла народ портит», «Там, где много травы — вол жиреет, там, где много смерти — мулла жиреет», «Пусть муллу накажет бог». Просветители казахского народа широко пользовались этими острыми и меткими пословицами и поговорками, обличающими духовенство. Пословицы и поговорки часто встречаются в статьях Чокана Валиханова, моралистических назиданиях и стихах Абая Кунанбаева и в произведениях Ибрая Алтынсарина. В своем творчестве просветители опирались на богатейшие источники народной мудрости в борьбе против религии. Они использовали понятные и близкие народу образцы народного творчества, углубляли их содержание, развивали дальше сохранившиеся в них идеи народного свободомыслия.

В ряде своих работ Чокан Валиханов говорит о проникновении ислама в Казахстан, о его роли в общественной жизни казахского народа.

На территории Казахстана мусульманская религия начала распространяться в VIII веке, когда Средняя Азия и юг современного Казахстана были завоеваны арабами. Основная же масса кочевников центрального и северного Казахстана приняла ислам гораздо позже. Ислам на территории Казахстана распространялся также турецкими и монгольскими завоевателями. Несмотря на то, что эти завоеватели часто насильственно навязывали религию в Казахстане, мусульманская религия распространялась весьма медленно. «Киргизы хотя и содержат веру магометанскую, но неизвестно им не только истинное богуслужение сего закона, но даже самые малейшие духовные обряды» — писал в 1770 году Н. Рычков. Казахи в то время не имели своих собственных священников. Ислам проповедывали муллы, ходжи и ахуны, приезжавшие из Ташкента и Хивины. Даже в первой половине XIX века, по рассказу члена Оренбургского отделения, Императорского русского географического общества Даулбаева, религиозные чувства у казахов «были очень слабы: пятивременные намазы исполнялись редкими...» Казахи не знали до-

гматов корана, чтение корана считали даже чем-то вредным. Многие думали, что «если во время лета наступят продолжительные дожди, а зимою — постоянные бураны, то это происходит от постоянного чтения муллами корана»[1].

В статье «Следы шаманства у киргизов» Чокан Валиханов говорит, что ислам в казахскую степь был внесен извне и навязан народу против его воли. Поэтому неслучайно «киргизы считают себя мусульманами не зная Магомета». «Ни один батыр в степи не знал, что за птица Мухаммед, — пишет Валиханов. — Рассказывают за факт, что знаменитый в Средней орде султан Барак (умер в 1749), слыша беспрестанно от татар и бухарцев восклицания вроде «О Мухаммед! Нет Бога, а кроме бога мухаммед пророк его», так заинтересовался им, что полюбопытствовал спросить: «Все татары и сарты говорят: «Мухамбет, да Мухамбет, должно быть был малый развитой»[2].

Во второй половине XVIII века распространение ислама среди казахов начало активно поддерживать царское правительство. Более того, оно провело ряд энергичных мероприятий по распространению ислама. На государственные средства был построен ряд мечетей, издавались в большом количестве разные религиозные книги и коран. В 1795 году был принят специальный указ «О снабжении различных родов киргизских муллами». В этом указе, подписанном Екатериной II, совершенно ясно говорилось. «Назначение мулл для разных племен киргиз вполне соответствует и помогает делу осуществления наших ранее данных распоряжений. Постарайтесь этих мулл назначить из казанских татар, чтобы они были крайне надежными и преданными людьми. Перед отправкой на место службы надо очень серьезно проинструктировать их в том, чтобы они воспитывали киргиз в духе подчинения нашему царствовавшему дому и предупреждали те беспорядки, которые постоянно возникают в этих наших границах»[3].

Царизм в своей колонизаторской политике стремился опереться прежде всего на мусульманское духо-

---

[1] Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. V, 1881, стр. 103.
[2] Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Спб. 1904, стр. 190.
[3] Цит. по книге Л. Климовича «Ислам в царской России», М., 1936, стр. 21.

венство, подготовленное из казанских татар, которое было агентурой самодержавия.

В другом указе сказано: «По указанию его императорского величества самодержавца всероссийского, все мусульмане России должны выполнять требования своей религии, строго выполнять его догматы. Вероотступников наказывать следующими тремя способами: первый раз розгами, второй раз—палками и третий раз—нагайками»[1].

Борьба против распространения ислама в Казахстане, в связи с этим, заставила Чокана Валиханова решительно выступить против реакционной политики царизма, намеренно поддерживавшего невежество и религиозный фанатизм среди колониальных народов.

В своей «Записке о судебной реформе», написанной на имя царской администрации, Чокан Валиханов говорил, что «киргизы, до вступления в русское подданство, были мусульманами только по имени... Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с прелестями внешних приказов»[2].

Как известно в распространении ислама среди колониальных народов участвовали и вооруженные силы самодержавия. Так, например, Терентьев рассказывает, что у казенной мусульманской мечети, построенной по инициативе царских колонизаторов, долгое время стояли военные часовые, чтобы не допустить ее разрушения местным населением.

Были случаи, когда вооруженные солдаты силой загоняли народ в мечети для богослужения.

Только благодаря заботам царского правительства, отмечает Чокан Валиханов, мусульманская религия среди казахов стала распространяться более быстро.

Чокан Валиханов пишет, что мусульманская религия обязана своим распространением в степи царскому правительству. Если раньше «ни один батыр в степи не знал, что за птица Магомет», то «теперь уже совсем не то. В короткое время открытия первых округов в 1822 году, ислам, благодаря заботам правительства, сделал чудовищный прогресс»[3].

---

[1] Там же, стр. 24.
[2] Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 64.
[3] Ч. Валиханов. Соч., 1904, стр. 171.

«Киргизы, как подобает живо увлекающему сыну степи, по уши погрузились в фанатизм и не терпят ничего, что не согласно с кораном. Песни, древние поэмы, борьба, свобода женского пола и участие ее в публичных увеселениях — все начинает выходить из употребления.

Не лучше бы было оставить киргиз так, как они были прежде. Природные их таланты — устойчивость, их живой ум — в своей деятельности находит гранитный оплот в вере и разбиваются»[1]. Здесь нельзя заподозрить Чокана Валиханова в идеализации шаманства и прошлого казахского народа. Он сравнивает шаманизм и ислам для того, чтобы показать, что ислам имел более «разрушающее влияние» на развитие культуры казахского народа, чем шаманизм.

О шаманском периоде он пишет как о периоде невежества. «Мы не знаем, — пишет Валиханов, — что было бы лучше для Киргизской степи: прежнее невежество, чуждое религиозной нетерпимости, или современное татарское просвещение, выражающееся в продолжении 300 лет самым антипрогрессивным образом»[2].

Под «татарским просвещением» здесь имеется в виду распространение мусульманского фанатизма татарскими муллами, посылаемыми в степь по указу царя.

Стараясь оградить свой народ от пагубного влияния «просвещения» мусульманского духовенства, он требовал упразднения духовных школ и настаивал на открытии русских школ, добивался сокращения количества татарских семинаристов, из которых готовили исключительно мулл для распространения ислама в степи. В целях окончательной изоляции реакционного мусульманского духовенства от казахского народа Чокан Валиханов предлагал «не дозволять ишанам и ходжам, приезжающим из Средней Азии, и татарским семинаристам жить в кочевьях киргиз без определенных занятий и иметь строгое наблюдение, дабе не образовали между киргизами дервишских и мистических обществ...»[3]. Он предлагал «принимать систематические меры, чтобы ослабить, а если можно, совершенно устра-

---

[1] Там же, стр. 191—192.
[2] Там же, стр. 63.
[3] Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 105.

нить вредное влияние татарских мулл и среднеазиатских святошей»[1].

Правильно оценивая историческую обстановку того времени, Валиханов заметил и другую реакционную сторону ислама.

Он указывал, на то, что прогрессивное влияние России на казахский народ парализуется реакционным исламом: «У нас в степи все благодеятельные меры правительства, все выгоды новых учреждений не приносят ожидаемых результатов именно вследствие того, что они парализуются возрастающим религиозным изуверством»[2].

Чокан Валиханов не ограничивался только критикой реакционной роли ислама, а вел беспощадную борьбу против этой религии, чтобы остановить дальнейшее влияние ислама на казахский народ.

Однако, понимая, что «против зла, как ислам, недостаточно одних паллиативных мер» и что в самом народе «таится много темных предрассудков и вредных обычаев»[3], Чокан Валиханов наивно полагал, что ислам можно победить только просвещением и правительственными реформами.

Чокан Валиханов в силу исторической ограниченности своих взглядов не мог дать исчерпывающей и последовательно научной критики ислама, он не мог раскрыть его классовую сущность и указать правильные пути уничтожения ислама.

Но это не умаляет роли Валиханова. Как указывает В. И. Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а потому, что они дали нового сравнительно со всеми предшественниками»[4].

В истории общественной мысли Казахстана до выступления Чокана Валиханова не было еще ярко выраженного атеистического антирелигиозного направления. В самую мрачную эпоху господства идеологии ислама Чокан Валиханов первый поднял голос протеста против одурманивания народа религиозным фанатизмом.

---

[1] Там же, стр. 105.
[2] Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 102.
[3] Там же, стр. 105.
[4] Ленин В. И., Соч., т. 2, стр. 166.

Идеи атеизма и свободомыслия в Казахстане получили свое дальнейшее развитие в просветительской деятельности Ибрая Алтынсарина.

* * *

Ибрай Алтынсарин (1841—1889) был выдающимся педагогом-просветителем, который всю свою жизнь отдал этому благородному делу. Его усилиями были открыты 7 начальных волостных школ и 4 двухклассных училища для детей-казахов, первая школа для девочек с преподаванием на казахском языке, а в 1883 году в Орске была открыта казахская учительская школа.

Ибрай Алтынсарин, также как и Чокан Валиханов, отмечая неразвитость религиозного фанатизма среди казахского народа, считал, что он (народ) «представляет благородную почву для образования». Видя светлое будущее для своего народа только в распространении науки, здравого взгляда на вещи и образованности, он вел беспощадную войну против религиозного фанатизма, против религиозных предрассудков и суеверий.

Ибрай Алтынсарин писал, что в интересах нравственного и экономического развития «было бы желательно безотлагательное распространение в киргизской степи русско-киргизских школ, которые если и не вытесняют вполне татарское учение, то все же будут служить противовесом ему, рассадником, так сказать, практических взглядов на вещи, отражающие предрассудки, вредящие народному развитию, а это, в связи с неумершим еще и вполне бодрствующим киргизским народным обычаем, основанным на практических началах, притом вне всяких религиозных влияний; не допускать народ к нравственному разложению»[1]. «Казахи на каждом почти шагу встречают нужду в знании русского языка и грамоты». Смело протестуя против насаждения муллами религиозного фанатизма и невежества, он писал: «И будет очень прискорбно, если этот неиспорченный, практический и способный народ окончательно подвергнется влиянию татар (имеется в виду мусульманское

---

[1] Ильминский Н. Воспоминания об И. Алтынсарине. Казань, 1895, стр. 271—272.

духовенство — А. И.), которые, вследствие глубоко укоренившегося в них фанатизма... коснеют в невежестве»[1].

Ибрай Алтынсарин, открывая в казахской степи светские русско-казахские школы, основанные на современно иных принципах, чем религиозные школы, главной задачей этих школ он считал воспитание у учащихся естественно-научного мировоззрения. Он писал, что «на степные школы не следует смотреть, как на заведения, обучающие только русскому языку и грамотности, а нужно, чтобы в них ученики приобретали еще привычку к оседлости, опрятности и здравому взгляду на вещи, словом нужно обратить большое внимание на воспитательную сторону учения»[2].

«Ум природный, — пишет Алтынсарин, — способен обнимать лишь то, что его окружает, а развить его и сделать способным узнавать и то, чего не видел, может только светское образование. Мы сознаем это и усердно образовываем своих детей в русско-киргизских школах»[3].

В своих стихах и рассказах, написанных на казахском языке, Ибрай Алтынсарин разъяснял народу вредность религиозных предрассудков, пропагандировал передовые достижения науки, призывал казахский народ к приобщению к передовой демократической культуре русского народа.

«Все возможное счастье для своего народа, И. Алтынсарин — видел «в дальнейшем времени» в нравственном, в духовном «слиянии с русским народом», в духовном, экономическом развитии его посредством русско-киргизского образования».

Просветительская деятельность И. Алтынсарина оказывала сильное противодействие идеологии ислама. На его произведениях, получивших широкое распространение и русско-казахских школ, воспитывались многие представители казахской демократической интеллигенции. Они высоко ценили историческое значение той борьбы, которую вел Ибрай Алтынсарин против религиозного фанатизма.

«Мы готовы видеть в лице Алтынсарина героя, который становится отражением всего народа, духа его, ха-

---

[1] Там же, стр. 271.
[2] Там же, стр. 275.
[3] Там же, стр. 78.

рактера и вообще всей его жизни. Отныне можно думать, — писали они, — что кочевая Азия наша вступила на путь прогресса, отвергла фанатизм, суеверия и выбрала действительный путь в жизни»[1].

Преданный сын казахского народа, замечательный педагог-просветитель И. Алтынсарин стремился сделать русско-казахские школы рассадником культуры и просвещения, орудием борьбы против религиозной идеологии и верным средством приобщения казахского народа к передовой культуре России.

После смерти Алтынсарина учитель одной из организованных им школ, Соколов писал, что «вся жизнь Алтынсарина сосредоточилась на образовании любимого им казахского народа. Целью своей поставил он всеми силами и средствами оберегать свою национальность от влияния назойливых, фанатичных мулл и действовать путем образования, просвещения казахов в духе русского народа»[2].

Важнейшим средством борьбы против религии Алтынсарин считал распространение среди народа научных знаний.

«Если бы мне удалось побывать... в Казани, — писал в 1862 году Алтынсарин, — то я... перевел бы на чисто киргизский язык что нибудь из естественной истории... Все татарско-арабские-персидские книги, преподаваемые муллами, ведут человека к отступлению от всякого здравого рассудка, а для казахов, как и всякого рода людей, надобны такие книги, которые на понятном для них языке наводили бы именно на ум и мысли при чтении»[3].

В предисловии к «Киргизской хрестоматии» Ибрай Алтынсарин указывал, что казахский «народ — народ неиспорченный, его стремления не идут по указанной узкой рамке: он мыслит свободно, и для его будущности, если не достает какого-либо нравственного влияния, то только общеобразовательного и практически полезного»[4].

---

[1] Оренбургский листок, 26 марта 1884 г.

[2] Цит. по книге А. С. Ситдыкова «Педагогические идеи и просветительская деятельность И. Алтынсарина», Алма-Ата, 1949, стр. 190—191.

[3] И. Алтынсарин. Избранные произведения, Алма-Ата, 1957, стр. 316.

[4] Там же, стр. 78—79.

Ибрай Алтынсарин, как и Чокан Валиханов, вел постоянную борьбу против реакционного мусульманского духовенства. Он писал, что «муллы, кроме особенного свойства набивать человеческие головы песками, портят и язык природный...»[1].

Большое распространение в народе получили остросатирические стихи Алтынсарина, бичующие и разоблачающие мулл, ишанов, и ходжей. Так, например, в одном из своих стихов он пишет:

В большой чалме мулла идет.
Встречаясь с ним, гляди вперед;
Беседуй осторожно.
Лишенный чести, грозен он,
Нарушив правду, может он
Свидетельствовать ложно»[2].

Важное значение придавал Алтынсарин борьбе против знахарства и суеверий, благоприятной почвой для которого были темнота и невежество.

В стихотворении «Ой, джигиты», обращаясь к народу, он писал:

Заболев, ты знахаря просишь,
Чтобы пришел он. И тот идет,
И твою же скотину режет,
И тебя и ее легкими бьет.
Заблуждаясь, ты еще веришь
В то, что дар ему дивный дан,
Злого духа остерегаясь,
Ждешь от знахаря талисман.
Но от этого мало пользы.
Не подумал, невежда ты,
Что все эти глупые просьбы —
Горький плод твоей темноты[3].

Вредность суеверий и предрассудков И. Алтынсарин особенно ярко показывает в цикле рассказов «Невежество».

---

[1] Там же, стр. 316.
[2] И. Алтынсарин. Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 66.
[3] Алтынсарин И. Избранные произведения, Алма-Ата, 1957, стр. 62—63.

* *
*

Против темноты и невежества хищных и лукавых мулл, боролся и Абай Кунанбаев. Абай Кунанбаев (1845—1904) — выдающийся поэт-просветитель, мыслитель и гуманист, поборник приобщения казахского народа к демократической русской культуре, так же, как и другие казахские просветители, подверг резкой критике мусульманское духовенство.

О лживых муллах он говорил:

Мулла, толкуя вкривь и вкось
Святую книгу, лжет и врет,
Он слеп душой, а сам, небось,
Добычу, как беркут клюет[1].

В произведениях Абая, наряду с критикой деятельности мусульманского духовенства, мы встречаем попытку подвергнуть критике некоторые догматы мусульманской религии, отдельные стихи (суре) корана и некоторые положения шариата.

Высказывания Абая о роли науки в общественной жизни, его призыв к овладению достижениями науки, просветительская деятельность и борьба против отсталости и косности, бескультурья и невежества, призыв к труду и деятельности по своим объективным результатам подрывали религиозный фанатизм и противодействовали идеологии и морали мусульманской религии. Вся его деятельность и его стремление к укреплению дружбы между народами по своему существу были несовместимы с реакционной идеологией ислама, проповедующей священную войну против неверных.

Абай Кунанбаев, также как Ибрай Алтынсарин, религиозное образование предлагал заменить светским образованием. Абай, хорошо знавший все стороны жизни своего народа, страстно желавший ему лучшей доли, мечтал прежде всего о том, чтобы молодежь шла учиться в светскую школу, а не к мулле. Тем, кто шел за знаниями к мулле, он говорил:

Свели к мулле тебя с надеждою,
Что мол, научит кой чему,
Увы, учитель твой невежда!
Как мы доверялись ему.

---

[1] Цит. по диссертации А. Таукелева «Общественно-политические взгляды Абая Кунанбаева», стр. 272.

Богатство и счастье жизни можно найти не в догмах религии, а в научном познании. Но знание людям не дается богом, «ум и знания — это уже плоды труда». И только «видя глазами, слушая ушами, держа руками, пробуя на язык, нюхая носом, человек познает мир»[1].

В «Двадцать восьмом слове» своих назиданий Абай, указывая на противоречия в догматах мусульманской религии и подвергая критике схоластическое религиозное учение о божестве, писал: «Считая господа бога безгрешным и безупречным, мы верим. Но вот оказывается, что бог вознаграждает богатством клятвопреступников, тунеядцев, а людей, которые честно трудятся и молятся, он лишает последней возможности прокормить жену и детей, обращая его труд в ничто. Видим часто, что скромный человек болеет и унижен. Наоборот, воры, мошенники здоровы... Разве все это соответствует безупречности и безгрешности, справедливости господа бога?»[2].

Однако в своей критике догматов мусульманской религии Абай не был последовательным. В силу исторической ограниченности своих взглядов он не сумел подняться до идей атеизма. Абай признавал существование бога. В его представлении бог являлся началом всего существующего на земле, но он, по мнению Абая, не вмешивается в повседневную жизнь человека. Поэтому счастье человека, его судьба находится в руках самого человека. От человека всецело зависят его поступки и он не должен оправдывать свои неправильные поступки и преступления верой в бога.

«...бог — творец добра и зла, но не он заставляет их совершать. Создатель болезни — господь бог, но не он заставлял болеть. Бог создал богатство и бедность, но не бог создал тебя бедным или богатым. Если ты так поймешь веру, то это еще на что-то похоже, иначе все пусто»[1] — писал Абай.

Абай Кунанбаев был против безраздельного господства религии над человеком. В своих стихах он высмеивал пассивность людей, звал их к труду и деятельности, проповедовал высокие моральные устои. Абай не мог окончательно освободиться от влияния религии. Л

---

[1] Абай Кунанбаев. Собрание сочинений в одном томе. М., 1954, стр. 398.

[2] Там же, стр. 371.

[3] Там же, стр. 372.

уровня последовательного атеиста он, как и Ибрай Алтынсарин, так и не сумел подняться.

В конце XIX и начале XX веков дело Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева продолжил Султанмахмуд Торайгиров.

* * *

Султанмахмуд Торайгиров (1893—1920) — талантливый поэт, видный писатель-журналист и общественный деятель. По своему мировоззрению он был материалистом и воинствующим атеистом.

В своих стихотворениях он прежде всего наносит удар по невежественному духовенству. Торайгиров, критикуя духовенство, говорит своему народу, что словам муллы верят одни невежды, принимая их ложное толкование шариата и корана за божественное откровение.

Он с горечью спрашивал:

«Когда же ходжа перестанет
сеять ложь и коварство
И темный люд от прохвостов
Избавится наконец»[1].

Он, далее, указывает что религиозные фанатики с недоверием относятся к образованным людям, получившим воспитание в русских школах, называют их «неверными». Людей, поднявших знамя науки, они считают своими врагами, предвещающими для них якобы «конец света».

С исключительной остротой против духовенства С. Торайгиров выступает в своем замечательном романе «Камар сулу» («Красавица Камар»).

Это произведение воспитывает у читателя ненависть и отвращение к религии и мусульманскому духовенству. Трогательно описывается трагическая судьба главного героя романа красавицы Камар, которая погибает в жестокой борьбе против неравенства, темноты и невежества, освященных учением религии. Основная идея романа — защита свободы и равноправия женщины. Султанмахмут Торайгиров на основе глубокого знания жизни показывает реакционную роль религии, принижающей человеческое достоинство женщины, закрепляющей ее бесправное положение.

---

[1] Торайгиров С. Избранное, Алма-Ата, 1958, стр. 53.

Отношению религии к женщине посвящены стихи Торайгирова «Кыйсык Кобыріа («Адамово ребро»), («Женщина»), «Иеке кыяр» (Мусульманский религиозный брак). В стихотворении «Адамово ребро» он выступает уже как последовательный атеист, полностью отвергающий религиозное учение. В них С. Торайгиров деласт некоторую попытку показать социальный смысл религии. Атеизм С. Торайгирова наиболее ярко выступает в стихотворении «Дін» («Религия»).

В этом стихотворении, обращаясь к верующим, он писал:

«Слушай сказки, верь мулле,
Как слепой, ходи во мгле,
Поводырь твой — лжец бесстыдный,
Но в почете на земле!
Верь в упрямое вранье,
Верь в бессмертье свое,
Верь в чудесное за гробом
Бестелесное житье.
Верь, что повелел аллах
Чтобы в раю жил казах...
Если ты мулле поверил,
Значит сам себе ты враг!»[1]

Однако Султанмахмут Торайгиров также не сумел до конца понять классовых корней и сущности религии.

Антирелигиозные произведения выдающихся казахских просветителей, имеют значение не только историческое. Они имеют значение и в современных условиях. Их произведения могут быть успешно использованы в научно-атеистической пропаганде, направленной на преодоление религиозных пережитков в сознании некоторой части советских людей.

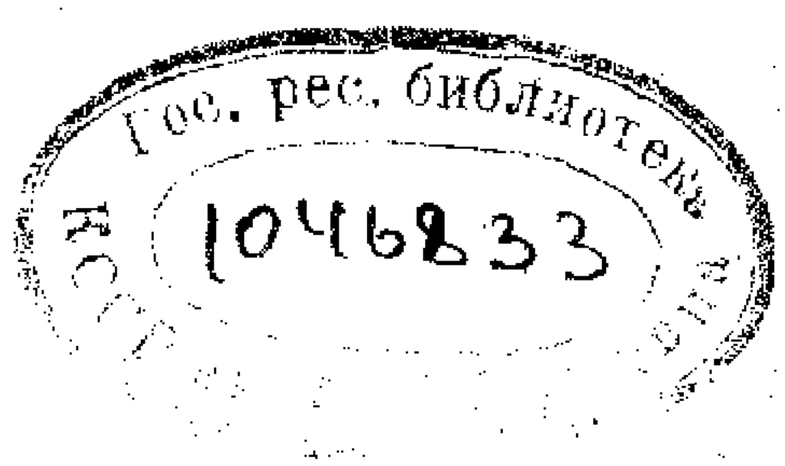
Такая необходимость вызывается специфическими особенностями религиозного верования казахов и своеобразными условиями распространения ислама в Казахстане. Казахские просветители глубоко знали жизнь и верование своего народа, их произведения были написаны на родном и доступном для народа языке. Именно поэтому их атеистические произведения необходимо умело использовать в современных условиях в нашей идеологической борьбе против религии.

---

[1] Там же, стр. 22.

Казакстан
Ұлттық кітапханасы

2 100100 182878



Автор **Искаков Аблкадыр**

Казахские просветители о религии

Редактор **Ф. Жизневский.**

Техредактор **В. Сенкевич.**

Слано в набор 1/VIII-1958 г. Подписано к печати 26/IX-1958 г. УГ01069. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$ уч. из.—1,0,7 л. Тираж 3000.

ТУД. 58. Алма-Ата, ул. Фурманова, 146. Зак. 879.